

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ДЕВЯТНАДЦАТАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
ПО ИЗУЧЕНИЮ АВСТРАЛИИ И ОКЕАНИИ

Тезисы докладов
Часть II

МОСКВА 1988

Ежегодные субсидии составляли свыше 1 млн. марок, а в течение 1913 г. они составили даже 1,7 млн. марок. В 1913 г. из Новой Гвинеи было вывезено 14 тыс. тонн копры на сумму 302 тыс. ф. с. Весь объем германского импорта в колонии составлял в 1911 г. 17 млн. марок (около 0,16% от всего торгового оборота Германии). Экспорт из тихоокеанских колоний не превышал 0,2%, что соответствовало 14 млн. марок.

Накануне первой мировой войны Германия вела политику укрепления своего военно-политического и экономического положения в Европе. Поэтому Германия имела в виду использовать тихоокеанские территории в качестве своеобразной "разменной монеты" в своих отношениях с Великобританией, Францией, США и, отчасти, с Японией. Германия даже была готова пожертвовать в случае необходимости тихоокеанскими колониями для привлечения великих держав, особенно Великобритании и США, на свою сторону в империалистической борьбе за передел мира в свою пользу.

Не последнюю роль в колониальных интересах Германии играло и выгодное географическое положение островов и территорий Океании, расположенных на перекрестке морских путей в Тихом океане. Эти территории находятся примерно на равном удалении как от Австралии, так и от американского побережья. Германское правительство рассматривало свои колонии как возможные военно-морские базы для флота, места, где корабли могли бы заправляться продовольствием и горючим.

Наконец, тихоокеанские территории, в особенности Новая Гвинея, рассматривались как источники снабжения метрополии продовольственными товарами и сырьем (копра, сандаловое дерево, кокосовое масло и т. д.). Не упускались из виду и добыча новогвинейского золота, медной руды и фосфатов с острова Науру.

В результате первой мировой войны Германия лишилась всех своих колоний.

Е. В. Говор
/ г. Москва /

Русские моряки и путешественники на Соломоновых островах во второй половине XIX века

В этнографической и исторической литературе утвердилось мнение, что вклад русских путешественников в исследование Океании

ограничивается в основном первой третью XIX века. В последующий период выделяют лишь одно имя — Н.Н. Миклухо-Маклая. Обращение к дореволюционной печати показывает, что это явная недооценка вклада наших соотечественников в историю океанистики. Во второй половине XIX в. в Океании оставались еще "заповедные места", подвергшиеся минимальному воздействию внешнего мира. К их числу принадлежали и Соломоновы острова, разделенные между Англией и Германией лишь в 1885—1893 гг.¹ Даже к концу XIX века европейское население составляло здесь всего несколько десятков человек. Вместе с тем, начавшийся в 70-е годы XIX в. массовый вывоз коренного населения этих островов на плантации Фиджи и Квинсленда, а также занесенные европейцами болезни привели в начале XX в. к резкому уменьшению численности островитян, быстрому разрушению традиционного уклада их жизни. Поэтому свидетельства современников, в том числе и русских путешественников, еще заставших это общество в последний период его целостного существования, приобретают особую ценность.

Первым русским кораблем, побывавшим в районе Соломоновых островов, был шлюп "Аполлон". В июле 1822 г. он прошел мимо о.Митре и остановился у соседнего о.Ануда (Черри). Острова эти географически не входят в Соломонов архипелаг, однако включаются в нынешнее государство Соломоновы острова. В отчете капитана шлюпа С.П. Хруцова² описывалась встреча с жителями о.Ануда, их внешний вид, украшения, изделия, меновая торговля с ними. Хруцов отмечал доверчивость островитян, их незнакомство с употреблением европейских предметов (русский корабль был одним из первых, побывавших здесь). Русские моряки установили, что с туземцами можно, хотя и с большим трудом, объясниться на языке жителей о-вов Дружбы (Тонга). Действительно, о.Ануда является одним из самых западных островов, населенных полинезийцами.

В июле 1870 г. Соломоновы острова посетил корвет "Боярин" под командованием В.Ф. Серкова. Корвет на 6 дней остановился у о.Сан-Кристоваль в бухте Макара, в месте расселения группы ароси. Удалось обнаружить воспоминания двух участников этого плавания — лейтенанта Вильгельма Линдена³ и инкера Ильи Боратынского⁴. Очерк Линдена отличает обстоятельность, насыщенность фактами. Дневник Боратынского, написанный 18-летним юношей, конечно, более поверхностный, но для него характерны живые зарисовки окружающей действительности. Еще один участник экспедиции, лейтенант А.Г. Конкевич, годы спустя также своеобразно

преломил впечатления этого плавания в своих рассказах и повестях. Печатные источники о Соломоновых островах в те годы были крайне малочисленны, и русские моряки во время стоянки стремились собрать максимум сведений. "Шкиперы местных купеческих судов, крейсирующих в архипелаге, — отмечал Линден, — заняты своим промыслом и не подготовлены к подобного рода занятиям. Военные суда заходят редко" (с.164).

Основным информантом для наших моряков послужил американец Вильям Перри, живший на северном берегу бухты Макира вместе со слугой-негром. Он занимался скупкой у туземцев кокосового масла, трепанга, черепаховой кости, перепродавая их заходящим на остров судам. Биография и образ жизни этого тредора довольно типичны для многих его собратьев, шедших наряду с миссионерами в авангарде европейского проникновения на многие еще дикие острова Океании. Так, в молодости Перри побывал матросом, участвовал в войне в Индии, содержал пансион, а разорившись, занялся торговлей невольниками. В последующие годы он преуспел в торговле на Сан-Кристобале. Хотя Линден всячески подчеркивает его услужливость и помощь русским морякам, Боратынский более откровенно описывает методы его монопольного утверждения на острове: "Он сумел себя поставить так, что его дикари не только не трогают, а напротив, готовы защищать до последней капли крови; они считают его божеством, которому поклоняются и вместе с тем безгранично боятся..., он их держит в повиновении, благодаря своим двум пушкам..." (с.19). И действительно, дом Перри напоминал небольшой арсенал.

В рассказах об островитянах Перри, естественно, всячески подчеркивал их воинственный характер. Линден приводит его сообщение о том, что 10 лет назад туземцы прогнали французских миссионеров, убив четырех из них, а три года назад перебили экипаж английского корабля "Марион Рени". За это островитяне жестоко поплатились, когда к острову пришло другое английское судно. "С тех пор они очень боятся всякого большого судна," — отмечает Боратынский (с.20). Линден сообщает, что бухта Макира в последнее время часто посещается купеческими и американскими китоловными судами. "Последние заразили жителей сифилитической болезнью, которая до тех пор была неизвестна, — пишет он и упоминает также об охватившей острова несколько лет назад эпидемии холеры, "от которой умирали целыми сотнями" (с.163). Однако от распространения пьянства Перри,¹⁵⁰ его словам, пока острови-

тян отраждал.

Во время стоянки русские моряки неоднократно бывали на берегу, осмотрели поселение сан-крисобальцев. И Линден и Боратынский дают подробное описание их внешности, одежды, украшений, а также жилищ. Наиболее детально материальная культура жителей бухты Макира была представлена в описи этнографической коллекции, собранной участником экспедиции лейтенантом А.А. Бирилевым и переданной им в 1872 г. в этнографический отдел Московского публичного и Румянцевского музея⁵. (Ныне эта коллекция хранится в Музее антропологии МГУ). В описании Бирилева указано назначение многих предметов утвари, одежды, оружия, украшений. Линден в своем очерке отмечал, что островитяне привезли на корвет "множество своего оружия, копий, стрел, палиц; но с украшениями расставались неохотно, а перламутровых в виде полумесяца раковин нельзя было достать ни за какие сообразы" (с.162). Кроме того Перри подарил капитану туземную шляпку; дальнейшая судьба ее, к сожалению, не известна.

Линден пытался собрать какие-то сведения о религиозных представлениях, общественных отношениях островитян, но мало в этом преуспел, так как его основного информанта - Перри - эти вопросы, по-видимому, не занимали. И все же Линден сообщает некоторые важные факты. Так, большой интерес представляет сделанное им описание мужского дома: "Мы заглянули в два или три "табу-лума", навесы, где собираются дикари во время пиршеств, для совещаний и в других важных случаях. В середине одного из них стояла лодка начальника, около 40 футов длины и 5 ширины, украшенная раковинами, кистями травы и проч., а под крышей помещался целый ряд правильно расставленных человеческих черепов убитых неприятелей..." (с.161). Боратынский добавляет к этому, что здесь же хранились и черепа убитых миссионеров. Важно отметить, что это описание мужского дома принадлежит к числу наиболее ранних. Обращает на себя внимание сообщение о хранящейся здесь, в одном из наиболее священных мест, лодке вождя, что указывает, очевидно, на сохранение традиций древней культуры мореходов, первооткрывателей Океании. Линден также упомянул о стоящих в "табу-лума" "грубо вырезанных истуканках", но, по его мнению, это были "не идолы, а просто украшения" (с.162). Он, однако, ошибается, перед ним несомненно были священные изображения предков.

В своем очерке Линден приводит интересные сведения о лун-

ном календаре местных жителей, 10 месяцев которого "называются по времени поспевания таро, кокосов, прихода в бухту известной рыбы и т.д." (с.162). Эти названия отражают два основных занятия прибрежных островитян — земледелие и рыболовство. Перед нами, таким образом, одно из ранних свидетельств положительных знаний маланезийцев, связанных с наблюдениями над природой и хозяйственным циклом.

Боратынский, кроме того, дал несколько живых зарисовок по ведению сан-кристобальцев в различных ситуациях. В описанном им визите на корвет местного вождя привлекает внимание реакция остальных туземцев на появившегося перед ними "короля", облаченного в подарки русских моряков — китель с эполетами, треуголку и кортик. Туземцы, как отмечает Боратынский, "от восторга даже высунули языки, окружили его и тыкали в него пальцами; даже нхали его всего" (с.20). За этой анекдотической сценой скрывается вполне достоверное описание проявления эмоций, которое можно сравнить с наблюдениями Миклухо-Маклая над жителями о-вов Адмиралтейства, где "градусы удивления... выражались длиной высывающейся части языка" ⁶.

Напуганные рассказами Перри о дурной славе островитян, русские моряки "съезжали на берег почти всегда вооруженными, а на корвете ночью ставился усиленный караул; но все эти предосторожности оказались напрасными, — отмечал Линден, — дикие ни разу не выказали враждебных намерений" (с.162). Характерен в этом отношении следующий эпизод, описанный Боратынским. Группа офицеров в сопровождении матросов, всего человек 40, вооруженная до зубов, отправилась морем на другую сторону острова, чтобы выменять продукты. При приближении к берегу они заметили необычное движение туземцев. Перри объяснил, что дикари, вероятно, думают, что балне пришли опять мстить им за разграбленный несколько лет назад бриг, и в такой ситуации выходить на берег опасно. В результате переговоров стороны пришли к разумному решению: каждая сложила половину оружия в общую кучу, а после успешного обмена моряки беспрепятственно вернулись на корвет.

Сцена охоты на диких голубей, также описанная Боратынским, показывает туземцев блестящими анатоками местной природы, ловкими и опытными охотниками. Воспоминания о той же охоте нашли отражение и в рассказе А.Г. Конкевича "Метеор", описывающего приключения русского моряка на Сан-Кристобале ⁷.

Линден пытался собрать некоторые сведения о природе островов, их климате, перспективах хозяйственного использования. Он отмечает, что на горных плато можно выращивать табак, хлопок, сахарный тростник, а из полезных ископаемых здесь имеются запасы серы и железной руды.

Почти 10 лет спустя, в декабре 1879 г., в западной части Соломонова архипелага побывал и наш выдающийся путешественник Н.Н. Миклухо-Маклай на шхуне "Сэди Ф.Каллер". Капитан задержал ее для починки снастей на 20 дней у небольшого островка Симбо (Эдистоун). Миклухо-Маклай не замедлил воспользоваться столь благоприятной возможностью для изучения коренного населения. "Разумеется, все это время я жил на берегу, - писал он, - и остался весьма доволен моим пребыванием там, хотя дождливая погода была причиной довольно сильных пароксизмов лихорадки" (т.2, с.563). К сожалению, дневник Миклухо-Маклая за этот период не обнаружен, а отдельные упоминания в его сочинениях о жителях Соломоновых островов дают возможность лишь в незначительной степени реконструировать основные занятия путешественника во время этой стоянки.

Небольшой вулканический о.Симбо с характерной двуглавой горой расположен к югу от более крупного о-ва Ранонгга (Лонго), который Миклухо-Маклай также посещал во время стоянки. Сохранились его зарисовки о.Симбо с разных пунктов. Известно, что Миклухо-Маклай производил здесь антропологические исследования, и собранные материалы привели его к выводу о значительном распространении брахикефальной формы черепа в Меланезии. Занимался он сбором и краниологической коллекции (т.2, с.568). Ученый отмечал также близость антропологического типа жителей Новой Ирландии и Соломоновых островов (т.2, с.563). Миклухо-Маклай сделал несколько портретов туземцев о-вов Симбо и Ранонгга, зарисовал применение устройства для растягивания пробуравленной мочки уха и различные ушные украшения⁸. Из предметов материальной культуры можно отметить зарисованное путешественником носовое украшение лодки, представляющее собой сложное резное зооморфное изображение (т.5, с.288), а также особую хижину для хранения лодок (т.5, с.228).

Миклухо-Маклай изучал и религиозные представления островитян, погребальные обряды. "На островах Соломоновых, - писал он, - я нашел целые кладбища, состоящие из небольших построек, наполненных черепами: их называют "тамбуна". Некоторые заклю-

чали в себе только один череп, — то были гробницы начальников; они отличались множеством украшений из раковин, находившихся на и при черепе. Туземное название этих гробниц — "тамате-тамбуна"⁹. Миклухо-Маклаем были сделаны два больших рисунка подобных сооружений, а также резного изображения предка, украшенного раковинами (т.5, с.296, 297).

Отсутствие дневника за этот период не позволяет сказать, какие именно наблюдения над общественной жизнью островитян проводил Миклухо-Маклай. Позднейшие этнографические исследования выявили сложную социальную структуру жителей этих островов, пользовавшихся дурной славой "охотников за головами". В статье Г. Моно, встречавшегося с Миклухо-Маклаем через несколько лет после поездки, отмечалось, что на Соломоновых островах он наблюдал обряд канибализма¹⁰.

Наряду с вопросами чисто антропологическими и этнографическими Миклухо-Маклай в этой поездке уделял большое внимание сбору сведений о так называемой работорговле в Меланезии. В своей "Записке о похищении людей и рабстве в западной части Тихого океана" коммодору Дж. Уилсону¹¹, рассказывая о злодеяниях торговцев живым товаром, Миклухо-Маклай приводит некоторые факты, собранные им во время пребывания на Соломоновых островах: "Туземцы острова Лонго... сказали мне, что всего лишь за несколько недель до этого каное с четырьмя уроженцами деревни Микки... было похищено тендером, принадлежащим, как они полагают, Фиджи..." (с.237). Сообщает он и о нищенской оплате труда островитян, о случаях, когда нанятых туземцев бросали на чужих островах и даже о захвате здесь детей немецкими работорговцами, отправлявшими их на Самоа¹². В своих статьях и письмах Миклухо-Маклай неоднократно отмечал уменьшение коренного населения на Соломоновых и других островах в результате массового вывоза молодых туземцев, а также быстрого распространения венерических заболеваний (см., напр., т.3, ч.1, с.458). Именно он, русский путешественник, был одним из первых, забивших тревогу по поводу варварских методов европейских колонизаторов на Соломоновых островах.

В мае 1894 г., в воды Соломоновых островов вошел еще один русский корабль, крейсер "Крейсер" под командованием Н. Небогатова. В кратком отчете капитана¹³ отмечалось, что 6 мая "Крейсер" провел у западного побережья о.Ути, однако о каких-либо контактах с островитянами сказано не было. Затем "Крейсер" пере-

шел к южному побережью о. Гуадалканал и стал в прол. Марату. Здесь произошла встреча с европейцем Олафом Свенсоном, который сообщил русским морякам некоторые сведения о Соломоновых островах. Сам он жил в прол. Марату с 1891 г. Известно, что в последующие годы именно здесь он создал одну из первых европейских плантаций в архипелаге. Свенсон обрисовал положение европейских торговцев, занимающихся покупкой копры у туземцев. Основной платой в то время уже на всех островах служил табак, причем на палубу шхун туземцев пускать опасались, поскольку нередки были нападения. От Свенсона русские моряки узнали и о трагическом конце русского подданного финна Франка Нейбура (в другой транскрипции - Ниберга), убитого в 1892 г. туземцами о. Санта-Ана, где он прожил более 10 лет. В воспоминаниях А. Хагена, посетившего остров незадолго до этого, Нейбур предстает как малоудачливый торговец копррой, космополит по убеждениям, имевший на этом островке то, что в России считалось самым большим шиком - повара-француза - беглого ссыльного с Новой Каледонии (*Tout du monde*, 1893, с. 371). Материалы, опубликованные австралийским исследователем П. Коррисом, свидетельствуют, что поводом к убийству Нейбура послужило то, что он "раздражал островитян и спорил с ними о цене копрры"¹⁴. Подлинной причиной этого и многих аналогичных случаев была нескончаемая цепь насилий со стороны европейских тредоров и работоторговцев. "Английские европейские суда часто ходят по островам, чтобы наказывать туземцев за... убийства европейцев", - отмечал в своем отчете Небогатов (с. 6).

Простояв два дня в прол. Марату, "Крейсер" на пути к Новой Ирландии подошел еще к о. Симбо (называвшемуся в то время Нарово), где 15 лет назад жил Миклухо-Маклай. "На о. Нарово европейцев совсем нет; суда заходят только за копррой и черепахой..., - сообщал Небогатов. - Этот остров занят англичанами в июле 1893 г., как это видно из заявления командира крейсера "Куракоа". Заявление это хранится у одного из туземцев, который, при нашем съезде на берег, поднял на флагштоке английский флаг" (с. 6). Здесь "Крейсер" простоял всего несколько часов, по-видимому, приобретая продовольствие.

Отметим еще один любопытный очерк, "Поездка на Соломоновы острова"¹⁵, подписанный псевдонимом "Русский турист". Повествование в нем велось от лица русского путешественника, следующим образом излагавшего обстоятельства своей необычной поездки: "В Нумее - столице Новой Каледонии, я познакомился с губернато-

ром колонии г.Пардоном. Это было как раз в 1891 г., в разгар франко-русских олимпиад... В качестве русского путешественника я встречал во французских владениях всюду очень предупредительный прием. В это время колониальная администрация отправляла какую-то комиссию на Новые Габриды и Соломоновы острова. Губернатор любезно предложил мне присоединиться к комиссии и занять место на казенном пароходе... "Леви Сент-Обэн" (№ 42, с.666). В очерке содержался чрезвычайно ценный, этнографически и исторически вполне достоверный материал о посещении автором о-вов Сан-Кристобаль, Санта-Ана, Малайта, Санта-Исабель. Сопровождал его ряд рисунков, выполненных, очевидно, с подлинных фотографий. Удалось раскрыть и имя автора. Под псевдонимом "Русский турист" в московской прессе в 90-е гг. выступал Борисов¹⁶ (по-видимому, Константин Александрович Борисов, член географического отделения Общества любителей естествознания, действительно много путешествовавший). При обращении к его океанийскому путешествию настаивал лишь тот факт, что сведения об этой поездке не были зафиксированы в протоколах или других материалах какого-либо научного общества Москвы или Петербурга. Не удалось найти и следов этнографической коллекции, которую, как явствовало из текста, путешественник собирал. Лишь обращение к зарубежной печати позволило установить, что перед нами всего-навсего лонкая мистификация. Основой очерка "Русского туриста" послужила статья нумейского врача А. Хагена, появившаяся во французском журнале "Вокруг света" в 1893 г. Это, конечно, не умаляет познавательной ценности сообщаемых здесь фактов о Соломоновых островах.

Итак, во второй половине XIX в. русские мореплаватели и путешественники неоднократно бывали на тогда еще малоизвестных не только в России, но и в Европе, Соломоновых островах. Им удалось увидеть культуру островитян на самой ранней стадии вторжения колонизаторов, и это сообщает фактам, собранным нашими соотечественниками, особую ценность.

1. Малаховский К.В. Соломоновы острова. М., 1978, с.43-46.

2. Хрущов С.П. Плавание шлюпа Апполона в 1821-24 гг. - Зап., издаваемые Гос. адмиралтейск. департаментом, 1826, ч.10, с.200-272.

3. Линдан В. В Тихом океане (Из кругосветного плавания "Боярина"). - Вестн. Европы, 1871, т.4, № 7, с.121-171.

4. Борятинский И.А. Плавание корвета "Боярин" (Отрывки из дневника морского офицера). М., 1886.

5. Отчет Московского публичного и Румянцевского музеев за 1870-1872 гг. М., 1873, с.138.
6. Миклухо-Маклай Н.Н. Собрание соч., Т.2, М.-Л., 1950, с.270.
7. Беломор А. [Конкевич А.Г.]. Морские рассказы, М., 1914, с.44-66. В его военно-фантастической повести "Крейсер "Русская надежда"" (СПб., 1887) волей авторской фантазии на о.Малакка создается даже русская военная колония (с.221-233).
8. Миклухо-Маклай Н.Н. Собр.соч., Т.5. М.-Л., 1954, с.271-273.
9. Миклухо-Маклай Н.Н. Собр.соч., Т.3, ч.1, М.-Л., 1951, с.465.
10. Моно Г. О Миклухо-Маклае. - Век, 1883, № 3, с.III.
11. Обнаружена и опубликована Д.Д.Тумаржиным: Расы и народы, 1981, вып.II, с.228-247.
12. Миклухо-Маклай Н.Н. Собр.соч.; Т.4; М.-Л., 1953, с.261.
13. Морокой сборник, 1894, № 9, с.1-10.
14. Cozris P. A History of Solomon Islands. Melbourne, 1973, p.104.
15. Вокруг света, 1893, № 42-46.
16. Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов. Т.3. М., 1958, с.42.

А.Я.Массов

/Ленинградский кораблестроительный институт/

Плавание русского корвета "Рында" в Австралию
на празднование столетия английских колоний
на пятом континенте

Одной из интересных страниц в развитии русско-австралийских связей XIX в. стал визит в 1888 г. в Сидней и Мельбурн русского военного корвета "Рында", который был направлен в Австралию для участия в праздновании столетия со дня основания первой английской колонии на пятом континенте. Командовал корветом капитан I ранга Ф.К. Авелан - опытный морской офицер, обладавший, к тому же, несомненными дипломатическими способностями. (В будущем Ф.К. Авелан дослужился до чина адмирала и станет управляющим Морским министерством России. Именно он будет одним из виновников Цусимской трагедии).

Из Владивостока в плавание к берегам пятого континента "Рында" вышла 27 октября 1887 г. (Все даты в тексте - по новому